

С О СЛОВОМ «идол» в моем представлении всегда связывалось что-то неживое, немое, безразличное. Бездушный истукан с гипертрофированным физическим недостатком, которому поклоняются из-за его жуткого уродства... Его поставил посреди степи кочевник, чтобы противопоставить бездарное творение своих рук всегда прекрасной природе. И, забыв благоухание степи, сородичи-кочевники слетаются к идолу, как ночные бабочки на огонь свечи.

Талантливый художник знает — нельзя злоупотреблять атональностью. Дешевый спо-



ко что вернулись с концерта: он — со сцены, я — из зала. Усталым движением он развязывает на шее бант, и в эту минуту он выглядит старше своих двадцати пяти лет. Его мать, скромная белокурая женщина с голубыми глазами, только что ушла. Она приходит на каждый концерт. И Адамо с нежностью рассказывает о своей семье:

— Отец мой — итальянец, мать — сицилийка. В 1947 году мы приехали в Бельгию. Отец отправился туда, чтобы найти работу на шахтах. До девяти лет я жил в семье в свое удовольствие, потому что был один. В девять лет у меня появилась сестра. После этого сестры и братья стали появляться каждый год...

Сейчас их у меня семеро. Не могу забыть милые семейные праздники: каждый год — рождество и пасху, а также дни рождения и крестины всех братьев и сестер.

Отцу повезло. Мы жили в Льеже. Итальянцы, которые приезжали туда, сразу находили работу. Там я пошел в школу. Отец был инвалид. Ему было трудно, но все-таки он настоял, чтобы я учился, а не работал.

Вскоре я заявил ему, что бросаю учиться и буду петь. Отец был против. В конце концов старика удалось уломать. Я продолжал учиться. Но уже пел. Отец стал лично руководить мной.

В школе раньше я был первым учеником. Но с тех пор как стал петь, начал отставать. Решил бросить пение. Но теперь отец стал возражать. К этому времени я выпустил уже четыре пластинки. Успехом они не пользовались. Дела пошли хорошо с 1962 года. Сперва получил известность в Бельгии, потом в других странах Европы. Труднее всего было завоевать Францию. Французы покорились только в 1965 году после концерта по радио.

— А все-таки в споре сторонников традиции с любителями модерна на чьей стороне стоит Адамо — певец, поэт, композитор?

— Я за традицию, но, конечно, с использованием современных возможностей.

— На какую категорию слушателей я рассчитываю? Шестьдесят процентов моих слушателей молодежь до двадцати лет.

Песни свои я стараюсь писать так, чтобы они трогали молодых и заставляли старых вспоминать свою молодость.

Мне не удалось скрыть удивления, когда Адамо рассказывал о себе. Отец рабочий, шахтер, а смог руководить творческой судьбой сына — певца, актера.

— Не надо этому удивляться, — говорит Адамо. — Отец действительно не был актером, но он был настоящим итальянцем. А в Италии песню ценят больше, чем хлеб.

Было за полночь, когда мы попрощались с Адамо. У служебного входа в театр бушевала толпа, дожидаясь, когда актер выйдет подписать пластинки.

— Хотели бы вы приехать с концертом в Москву? — спросил я.

— Побывать в вашей стране — моя заветная мечта. Я знаю русскую и советскую музыку. Весь Париж ее поет и любит. У меня много друзей среди советских актеров, целый ансамбль Советской Армии, с которым мы вместе выступали на празднике газеты «Юманите».

А. АГАРЫШЕВ.

Париж.

АДАМО — ПЕВЕЦ МОЛОДЫХ

РЕПОРТАЖ СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» ИЗ ТЕАТРА «ОЛИМПИА»

соб отвлечь человека паровозным гудком от трели соловья. Но ведь именно этим способом действовали на зрителя так много актеров, певцов, композиторов, становившихся «идолами», «звездами», стремительно падавшими с неба и мгновенно навек затухавшими.

Многим кумирам поклонялась за последние годы молодежь Запада. Но померк Холлидей, Пресли, наскучили «битлы». Прочное место в искусстве осталось лишь за теми, кто не зачеркнул в своем творчестве народную песню, не противопоставил свое эгоистическое «я» традиции поколений народа.

На смену старым кумирам приходят новые. Наверное, самый популярный из них сегодня во Франции Адамо, певец улицы, сам вышедший из демократических слоев общества.

Мне никогда в жизни, наверное, не пришлось бы в голову назвать Адамо «идолом», если бы это выражение к себе не применил он сам. Адамо... Адамо... Афиши, одна к одной наклеенные в парижском метро, на улицах, на туристских автобусах. Когда его транслируют из театра, весь Париж кидается к телевизору.

— Это единственная песня, которую я сочинил о себе, — рассказывает Адамо. — Она соответствует моему настроению.

Это история старушки, которая вот уже пятнадцать лет кормит птичек хлебом. Птички так привыкли к старушке, что клюют хлеб прямо из ее рук.

Но вот к старушке подходит молодой «идол». Фотограф хочет сфотографировать его. Еще лучше, если птички будут клевать из его рук хлеб...

Но птички улетают. Старушка недовольна. Это только мои птички! Они не прилетят к тебе. Но она дает «идолу» хлеб. И птички-обжоры прилетают вновь и начинают клевать хлеб из его рук.

Старушка уходит с поникшей головой. Она обиделась. А «идолу» становится стыдно и грустно. Он понимает, что разрушил прелестный сон старушки, ее веру.

«Идол» хочет догнать старушку. Он бежит за ней. И вдруг видит: старушка стоит, наклонившись, у пруда и улыбается рыбкам.

Значит, все-таки это не бездушный «идол». Он побежал за старушкой. Ему стало тоже стыдно. Значит, «идолы» переживают, плачут, смеются, дру-

жат, влюбляются и, может быть, потому поют?

Обнаружив «идола», я начинаю постигать его, а он, Адамо, сидит с такой доверчивой, простодушной улыбкой на лице и говорит, словно читая мои мысли.

— Дружба — это дополнение одного человека другим. Это полное понимание друг друга и умом, и душой. В дружбе важно: если вы хотите побыть в одиночестве, друг должен понять вас и уйти, исчезнуть на время.

— Любовь — это та же дружба, но это касается женщины. Настоящая дружба женщины превращается в любовь.

— Песня — это общее. Дружба и любовь сходятся в песне, как будто женятся.

Глаза у него теплые, немного грустные. Ему скоро выступать. Перед входом в театр «Олимпия», где поет Адамо, напрасно волнуется толпа народа. Мест нет. Мне кажется, когда он говорит, что друг должен уйти, исчезнуть, он имеет в виду целую толпу почитателей, которые повсюду преследуют его.

— Нет, — говорит он. — Я люблю смотреть в лица моих слушателей. Их надо понимать. Ради этого каждый раз после концерта я по целому часу подписываю пластинки... Я хочу видеть их лица...

У Адамо своеобразная манера поведения на сцене. Он появляется, когда в зале стоит гул аплодисментов и, не дожидаясь, когда они смолкнут, стремительно подходит к микрофону и начинает петь. И в зале тотчас воцаряется бездыханная тишина. Затем, не давая аплодисментам разгореться, он переходит к следующей песне. И так он поет целый час.

— О чем он поет?

— Все свои песни я складываю сам, и слова, и музыку. Иногда сам же перевожу на другие языки, на итальянский... Люблю ходить по улицам и пробовать мыслить так, как это делают прохожие. Я пробую воссоздать ту мечту, которая снится человеку с улицы.

Мы сидим в уборной Адамо в театре «Олимпия». Мы толь-